

© Д. Е. ЭРТНЕР

Тюменский государственный университет
edasha@mail.ru

УДК 81'373

**ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ МЕТАФОРОЛОГИИ КАК НАУКИ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

**HISTORICAL APPROACH TO METAPHOR STUDIES:
METHODOLOGICAL FRAMES OF INTERPRETATION**

В статье рассматриваются предпосылки и история формирования теории метафоры в отечественной и зарубежной научной традиции. Отдельное место уделяется исследованию трансформации методологических основ метафоризации и метафорической интерпретации, выделяются традиционные и современные подходы к классифицированию метафорических единиц. Возникшее еще во времена античности представление о метафоре как о риторической фигуре, тропе, ограничивало сферу применения теории метафоры исключительно лексическим уровнем, рамками стилистической орнаментарности. В результате модификации научной парадигмы, произошедшей за многовековую историю развития данного явления, метафоризация получила широкое междисциплинарное толкование, внедрив свой терминологический аппарат в лингвокогнитивное, лингвофилософское, психолингвистическое и лингвокультурное направления. Накопившийся опыт исторического осмысления метафоры составляет надежную базу для научной интерпретации механизмов метафоризации, дает возможность преодоления неоднозначности определения ее природы и существующих трактовок.

The article is aimed at investigating the gradual formation of the theory of metaphor in the national and foreign scientific tradition. Special emphasis is given to the study of metaphoric notion transformation, and to distinguishing the traditional and current views on metaphoric characterization. The traditional approach to metaphor, known since the ancient times, observes it as a rhetoric figure, a trope. That view limited the sphere of metaphoric applicability only to the lexical level, the frames of stylistic analysis. As the result of scientific paradigm modification, that accompanied metaphor theory appearance, metaphor became treated as a multidimensional phenomenon, making a complex terminological field, which is used in an inflationary manner in various scientific interdisciplinary spheres: lingvocultural, lingvocognitive, psycholinguistic, and others. The already formed theory of metaphor creates the basis for relevant scientific interpretation of metaphoric mechanisms, gives the ground for overcoming the complexity of defining its nature and existing approaches.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Метафора, метафорический код, теория метафоры.

KEY WORDS. Metaphor, metaphoric code, the theory of metaphor.

История исследования метафоры как самостоятельной методологической единицы представляет особый научный интерес как для теории текста и стилистики, так и для многих междисциплинарных направлений, таких как психолингвистика, лингвокультурология, лингвофилософия и других. На сегодняшний день необходимость обращения к сформировавшейся традиции осмысления метафорической интенции и обобщения предшествующего опыта интерпретации этого сложного явления не вызывает сомнения. В этой связи изучение этапов развития теории метафоры и построение современного терминологического поля этой науки открывает широкие перспективы для формирования новейшего методологического аппарата и преодоления существующей и по сей день неоднозначности в трактовке данного понятия.

Основополагающие принципы осмысления метафоры были заложены еще в работах философов античности. Большинство актуальных научных подходов к теории метафорических переносов основываются на концепции, разработанной еще во времена Аристотеля, когда метафора воспринималась как образное сравнение, построенное на подобии и являющееся основным средством познания. Именно Аристотелю принадлежит ставшее общепринятым толкование метафоры как «перенесение слова с измененным значением из рода в вид, из вида в род, или в форме пропорции» [1, с. 184]. Нельзя не согласиться и с тем, что точка зрения Аристотеля, трактующего метафору как универсальное средство кодирования информации, а не только украшение языка, и в современной традиции широко используется исследователями, изучающими метафорические модели.

Философическое осмысление метафоры, сформировавшееся в эпоху барокко, во многом находит свое отражение в теории метафоры наших дней. К. К. Ратвен, размышляя о трансформации теории метафоры, отмечает, что если ранее представители древней риторики рассматривали метафоризацию как способ языковой орнаментарности, то постепенно метафора стала способом интуитивного восприятия. При этом аналитический акцент сместился в сторону эмоционального воздействия метафоры на адресата [18].

На протяжении развития теории метафоры были заложены и основные тезисы, которые успешно используются в формировании актуальных концепций. Так, значительную попытку преодоления дуализма языка и мышления сделал Дж. Вико, выказав постулат, близкий современным когнитивистам, что человек не только говорит, но и думает посредством символов, как словесных, так и образных: «Метафора — не произвольная, искусственная конструкция, а естественный способ выражения иного мировосприятия, отличного от нашего» [4, с. 84]. Вместе с тем в XIX-начале XX вв. метафору считали не только «сильным орудием человеческой речи», без которого трудно представить себе развитие языка, но и «болезнью языка» [19, с. 3-6].

С позиций современной метафорологии, существующие концепции можно охарактеризовать в рамках четырех базовых направлений: системоцентрического, антропоцентрического, когнитивного и лингвокультурологического.

Последние два связаны самым тесным образом и представляют собой лишь незначительную смену научной парадигмы. Наиболее традиционной представляется системоцентрическая теория, в рамках которой метафора интерпретируется с точки зрения языковой системы, что, несомненно, дает возможность проследить особенности языковой структуры и определить метафорический функционал. Ввиду того, что предметом исследования становятся отдельные лексемы, метафорическая интенция представляется способом существования значения слова, лексикологическим явлением. Наиболее полно это направление представлено в работе Г. Н. Складневской «Метафора в системе языка», где автор, рассматривая языковую метафору, противопоставляет ее метафоре художественной, справедливо полагая, что последняя индивидуальна и лингвистические методы, применимые к анализу языковой метафоры, не могут служить достаточным и достоверным аппаратом исследования ее художественного аналога [9].

В рамках данного подхода метафору можно рассматривать и с позиций синтаксической семантики. Аналитическим процедурам подвергаются аспекты метафоризации на уровне словосочетания и предложения, что дает возможность проследить, каким образом семантическая сочетаемость влияет на процесс формирования метафорического значения. Основным механизмом реализации метафорического смысла становится категориальный сдвиг: «Метафора предлагает новое распределение предметов по категориям и тут же от него отказывается» [2, с. 19]. В англоязычной научной литературе такую методологию можно назвать *interaction theory* [16, с. 68]. Рассуждая о структурных элементах метафоры, М. Блэк использует понятия *subsidiary subject* (для описания собственно метафорического образа) и *a system of associated commonplaces* (при определении предикативного компонента метафорического значения) [16, с. 39-40]. Следует отметить, что привлечение этой терминологии призвано облегчить идентификацию структурных составляющих процесса метафоризации, происходящего за счет категориальной трансформации, вводимой структурой *tenor* — *vehicle* [7, 11]. Проиллюстрируем использование данной методологии на следующем примере:

One consequence is erosion of support for the EU among its member states' electorates*. Существительное *support* переходит в разряд конкретных, опредмеченных понятий. Прямое, денотативное значение *erosion* реализуется через термин *soil erosion*. Наблюдается перенос с семантической сферы «физический мир» на семантическую сферу «абстрактное понятие». Метафоризируемым выступает понятие «поддержка», метафоризирующим — «разрушение, эрозия». Следует отметить, что основой переноса, несомненно, будет выступать «функция» или «характер действия». Актуализируется смысл частичной потери, но не полного отсутствия доверия и поддержки тех или иных политических решений.

* Здесь и далее приводятся примеры из британской газеты *The Guardian* и русской газеты «АиФ» за 2015 год.

В рамках антропоцентрической теории метафора анализируется в свете субъектно-объектной парадигмы с позиций создания метафорического образа (точка зрения номинатора) и его прочтения (взгляд интерпретатора). Сам процесс метафоризации отождествляется с коммуникативным актом: «Метафора — важное средство воздействия на интеллект, чувства, сознание адресата [13, с. 11]. Привлечение субъектно-объектной исследовательской парадигмы способствовало внедрению в теорию метафоры категории антропоцентричности. В частности, В. Н. Телия интерпретирует метафору с позиций возможности оказывать прагматическое воздействие на адресата, при этом отмечая, что признак, который лежит в основе метафорической трансформации, является средством выражения отношения субъекта речи к действительности и имеет эмотивно-оценочную и стилистически-маркированную окраску [11, с. 25].

В итоге, метафора стала способом декодирования авторского замысла. Для выявления смыслов, лежащих в основе метафорического образа, интерпретатор, апеллируя к контексту и системе стереотипов, сложившихся в данной национальной культуре, определяет предикативный признак и соотносит его с субъектом референции.

По мнению О. И. Глазуновой успешность интерпретации метафорического значения определяется не только структурой метафорического образа, но способностью адресата «постичь закодированный автором смысл» [3, с. 122]. При этом адекватное прочтение метафорического образа не происходит само собой, автоматически, а напрямую зависит от умения интерпретатора видеть иносказательный подтекст: «Звезды слушают, как сани, убегая, говорят и, внимая им, горят, и мечтая, и блистая, в небе духами парят» [10]. Вся строка построена на использовании персонифицированного представления о звезде как о живом существе. Предикативные метафоры: «звезды слушают», «сани...говорят», адвербиальные метафорические сочетания: «убегая», «внимая», «духами парят» выстраивают представление о звездах как о живом начале, способном к активным действиям и рефлексии. Создается впечатление, что они наблюдают за лирическим героем, участвуют в его жизни, слушают звон колокольчиков и освящают путь. Поэтическое повествование строится на основе субъектной парадигмы, противопоставляемой существующей в литературе традиции описания звездного неба как статичной декорации, объекта созерцания, и имеет ярко выраженную индивидуально-авторскую специфику.

В рамках когнитивной теории метафора выступает основным инструментом мышления. Максимально далеко уходя от позиций античности и средневековья, метафору стали трактовать не как «троп, призванный украсить речь и сделать образ более понятным, а как форму мышления» [13, 14]. В данной традиции сознание человека определяется глубинными структурными отношениями между группами понятий, которые позволяют выражать одни понятия через другие.

Не разделяя точку зрения западных философов, видевших в метафоре исключительно средство поэтической экспрессии, Дж. Лакофф и М. Джонсон

трактуют метафору как неотъемлемую часть человеческого опыта и психического мира, средство образования новых смыслов и значений [17, с. 195]. Исследователи не ставят вопрос о ложности или истинности метафоры, т. к., по их мнению, истина «всегда связана с концептуальной системой восприятия, которая определяется большей частью с помощью метафорических переносов» [17, с. 159].

Определяя концептуальную метафору, Л. Г. Лузина интерпретирует ее как «одну из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которых невозможно получение нового знания» [6, с. 55]. Следует отметить, что источником образования метафорических смыслов ученые видят не компоненты словарного значения, а фреймы и сценарии — знания о типичных объектах и ситуациях.

Если теория «семантических полей» описывает строение языка через систему ассоциативных связей, то когнитивная теория во многом является ее продолжением и расширяет горизонты интерпретации. Это еще раз доказывает то, что метафора является действенным механизмом «формирования ассоциативных связей, обуславливая легкость создания и понимания метафорических выражений в нехудожественных формах речи» [12, с. 34].

Чтобы подчеркнуть когнитивную природу и сущность метафоры, в научный оборот вводится термин «метафорический концепт». При этом ученые полагают, что данные ментальные структуры существуют в сознании носителей языка (могут быть лингво-универсальными и лингво-специфичными) и потенциально имеют способность порождать множество конкретных метафорических единиц. Следует отметить, что метафорический концепт не воспринимается учеными как отдельный тип концепта, а в русле теории метафоры это «моделированное взаимодействие концептов на аналогической основе» [8, с. 20]. Рассмотрим пример:

Putin's travel bans are the latest mis-step in a clumsy diplomatic dance with Europe. Метафорическое сочетание *clumsy diplomatic dance* вербализует источник-концепт «человек», фрейм «деятельность человека», слот «танец». Активность политиков на мировой политической арене отождествляется с танцевальными па. Реализация данного смысла подкрепляется апеллированием к концепту *step*, имплицитно реализуемым концептом «смена партнеров», когда «ведущим в танце» выступает то одна, то другая политическая сила. Персонафикация политической действительности конкретизирует метафорический концепт «человек — политика», широко представленный в газетном дискурсе как английского, так и русского языков.

В основе лингвокультурологического подхода к метафоре лежит модификация когнитивной парадигмы. Аналитический аппарат когнитивной лингвистики (концепт, сцена, сценарий, фрейм, когнитивная метафора), ранее сам по себе служивший объектом исследования, настолько утвердился, что на сегодняшний день воспринимается исключительно в инструментальной функции. В современной науке наметилось весьма перспективное направление исследования

метафоры как моделируемого национально-языковым сознанием ментального процесса интерпретации действительности, структурируемого метафорическими моделями. При этом материалом исследования становятся слова-реалии [15], пространственные образы, имеющие национально-культурную окраску, вкусовые метафоры [5].

Рассмотрим лингвокультурологические особенности реализации источникового концепта «вода» на примере английского и русского газетного текста. Метафоры, репрезентирующие данный концепт, могут быть ориентированы как вертикально (концепт «глубина», «высота»), так и горизонтально (концепт «поверхность»). Можно предположить, что использование ориентационных метафор определяется этноспецифическими стереотипами. В русскоязычных газетах преобладают метафоры вертикального пространства, имеется четкое соотношение типа описываемого водного пространства и оценки (фреймы «глубина», «объем», «действие вверх/вниз»): «Окунуться в хоккейную экзотику»; «Водоворот бушующих страстей». В англоязычных газетах чаще встречаются метафоры горизонтального пространства, образ рисуется более плоско: A stream of about 80 prisoners; Gas leak. Актуализируется значение большого количества, не имеющее четко выраженной положительной или отрицательной коннотации: Flooding the East with high tech goods the West has profited a lot. В русскоязычном дискурсе оперирование фреймами вертикального пространства задает четкие аксиологические рамки: «...огромные долги, в которых сегодня захлебнулись и отдельные потребители, и целые государства». Метафорическая модель «вода — это долги», вербализуясь, приобретает ярко выраженную отрицательную оценку.

Нельзя не согласиться, что методология лингвокультурологического моделирования и описания метафорических конструктов является на настоящий момент наиболее перспективной и открывает широкие возможности для адекватной интерпретации и декодирования как художественного, так и нехудожественного текста с учетом лингвоспецифичных контекстов и национально детерминированных картин мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Античные теории языка и стиля: антол. текстов / под общ. ред. О. М. Фрейденберг; пер с древнегреч. и латин. СПб., 1996. 362 с.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. М., 1990. С. 5-32.
3. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. СПб., 2000. 190 с.
4. Жоль К. К. Мысль. Слово. Метафора. Проблемы семантики в философском освещении / К. К. Жоль. Киев, 1984. 302 с.
5. Костяев А. И. Вкусовые метафоры и образы в культуре / А. И. Костяев. М., 2013. 160 с.

6. Лузина Л. Г. Когнитивная метафора / Л. Г. Лузина; под ред. Е. С. Кубряковой // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 55-56
7. Москвин В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории / В. П. Москвин. М., 2006. 184 с.
8. Никитин М. В. Концепт и метафора / М. В. Никитин // Проблемы теории европейских языков. СПб., 2001. С. 16-51.
9. Складарская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складарская. СПб., 1993. 151 с.
10. Стихотворения и поэмы Эдгара По в переводе Константина Бальмонта. URL: <http://www.litmir.co/bd/?b=157340>
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. М., 1996. 288 с.
12. Толочин И. В. Метафора и интертекст в англоязычной поэзии / И. В. Толочин. СПб., 1996. 95 с.
13. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2001. 238 с.
14. Эртнер Д. Е. Авторитарный дискурс в зеркале метафоры / Д. Е. Эртнер // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Том 1. № 1 (1). С. 69-75.
15. Юрков Е. Е. Метафора в аспекте лингво-культурологии: монография / Юрков Е. Е. СПб., 2012. 254 с.
16. Black M. Models and Metaphors / M. Black. New York, 1962. 267 p.
17. Lakoff G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. London, 2003. 276 p.
18. Ruthven K. K. Myth / K. K. Ruthven. London, 1976. 270 p.
19. Turbayne C. M. The Myth of Metaphor / C. M. Turbayne. New York, 1970. 236 p.

REFERENCES

1. Antichnje teorij jazyka i stilja: antol. tekstov [Ancient Theories of Language and style: anthology of texts (translation from ancient Greek and Latin)]. SPb., 1996. 362 p. (In Russian)
2. Arutjunova N. D. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse] // Teoria metafory [The Theory of Metaphor]. M., 1990. Pp. 5-32. (In Russian)
3. Glazunova O. I. Logika metaforicheskikh preobrazovanij [The Logics of Metaphoric Transformations]. SPb., 2000. 190 p. (In Russian)
4. Jol' K. K. Mysl'. Slovo. Metafora. Problemy semantiki v filosofskom osvjaschenii [Idea. Word. Metaphor. Problems of Semantics in Philosophical Interpretation]. Kiev, 1984. 302 p. (In Russian)
5. Kostjaev A. I. Vkusovyje metafory i obrazy v kul'ture [Gustatory Metaphors and Images in Culture]. M., 2013. 160 p. (In Russian)
6. Luzina L. G. Kognitivnaja metaphora [Cognitive metaphor] // Kratkii slovar' kognitivnih terminov [Brief Dictionary of Cognitive Terms]. M., 1996. Pp. 55-56. (In Russian)
7. Moskvin V. P. Russkaja metafora: ocherk semioticheskoi teorii [Russian Metaphor: an Essay on Semiotic Theory]. M., 2006. 184 p. (In Russian)

8. Nikitin M. V. Koncept i metafora [Concept and Metaphor] // Problemy teorii jevropeskikh jazykov [The problems of European Languages' Theory]. SPb., 2001. Pp. 16-51. (In Russian)
9. Skljarevskaja G. N. Metafora v sisteme jazyka [Metaphor in the Language System]. SPb., 1993. 151 p. (In Russian)
10. Stihotvorenija i poemu Edgara Po v perevode Konstantina Bal'monta [Poetry of Edgar Poe translated by Konstantin Balmont. <http://www.litmir.co/bd/?b=157340> (In Russian)
11. Telija V. N. Russkaje frazeologija. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Lingvocultural Aspects]. M., 1996. 288 p. (In Russian)
12. Tolochin I. V. Metafora i intertekst v anglojazychnoi poezii [Metaphor and Intertext in the English Poetry]. SPb., 1996. 95 p. (In Russian)
13. Chudinov A. P. Rossia v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoj metafory [Russia in the Metaphorical Mirror: Cognitive Analysis of Political Metaphor]. Ekaterinburg, 2001. 238 p. (In Russian)
14. Ertner D. E. Avtoritarnyi diskurs v zerkale metafory [Authoritarian Discourse: Metaphoric Interpretations] // Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Tyumen State University Herald. Humanities]. 2015. Vol. 1. No 1 (1). Pp. 69-75. (In Russian)
15. Jurkov E. E. Metafora v aspekte lingvokul'turologii: Monografija [Metaphor in the lingvocultural aspect: a monograph]. SPb., 2012. 254 p. (In Russian)
16. Black M. Models and Metaphors. New York, 1962. 267 p.
17. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. London, 2003. 276 p.
18. Ruthven K. K. Myth. London, 1976. 270 p.
19. Turbayne C. M. The Myth of Metaphor. New York, 1970. 236 p.

Автор публикации

Эртнер Дарья Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода ТюмГУ

Author of the publication

Daria E. Ertner — Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor at the Department of English Philology and Translation Studies, Institute of Philology and Journalism, Tyumen State University